

A 1605
П 9465

Плеханов Г. В.

Вырезка из "Новой мысли"
1892, № 8, с. 22-41

31

Н. И. НАУМОВЪ.

Собрание сочинений Н. И. Наумова. Въ двухъ томахъ. С.-Петербургъ, 1897. Изданіе О. Н. Поповой.

I.

Въ семидесятыхъ годахъ Н. И. Наумовъ пользовался огромной популярностью въ самыхъ передовыхъ слояхъ нашей народнической (тогда самой передовой) «интеллигенціи». Его произведеніями зачитывались. Особенный успѣхъ имѣлъ сборникъ: «Сила соломѣ ломить». Теперь, конечно, времена измѣнились, и никто уже не будетъ такъ увлекаться сочиненіями Наумова, какъ увлекались ими лѣтъ двадцать тому назадъ. Но и теперь ихъ прочтеть съ интересомъ и не безъ пользы для себя всякій, кто небеззаботенъ насчетъ нѣкоторыхъ «проклятыхъ вопросовъ» настоящаго времени, а связанный съ ними историческій интересъ будетъ великъ до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ у насъ интересоваться эпохой семидесятыхъ годовъ, во многихъ отношеніяхъ важной и поучительной. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ посвятить особую статью новому изданію сочинений Н. И. Наумова.

Этого писателя относятъ обыкновенно къ числу беллетристовъ-народниковъ. И это, конечно, справедливо, такъ какъ онъ, во-первыхъ, беллетристъ, а во-вторыхъ, народникъ. Но его беллетристика имѣетъ особый характеръ. Если у всѣхъ вообще нашихъ народниковъ-беллетристовъ публицистическому элементу отводится очень широкое мѣсто, то у Наумова онъ совершенно подчиняетъ себѣ собственно художественный элементъ. Скажемъ болѣе. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ странно было бы даже и говорить о художественномъ элементѣ въ произведеніяхъ Наумова: онъ тамъ почти всегда совершенно отсутствуетъ. Наумовъ, навѣрное, рѣдко и задавался цѣлью художественнаго творчества. У него была другая цѣль. Въ его очеркѣ «Горная идиллія» любознательный и не лишенный извѣстной начитанности мѣщанинъ Никита Васильевъ Еремий, заброшенный судьбою въ темную инородческую среду въ предгорьяхъ Алтая, замѣчаетъ, что хорошо было бы «прописать въ газетѣ» ту страшную эксплуатацію, которой подвергаются инородцы со стороны кулаковъ и даже своего ближайшаго начальства. Но его останавливаетъ то опасеніе, что его, пожалуй, поднимутъ на смѣхъ другіе писатели, выше его стоящіе на общественной лѣстницѣ. Къ тому же

онъ не знаетъ, «съ чего начать». Наумову тоже захотѣлось «прописать» хорошо знакомое ему тяжелое положеніе русскихъ крестьянъ и инородцевъ. Какъ человѣкъ образованный и умѣющій владѣть перомъ, онъ знаетъ, «съ чего начать», и не боялся насмѣшекъ со стороны другихъ писателей. Вотъ онъ и написалъ рядъ рассказовъ, «этиодовъ», «сценъ», очерковъ и проч. Всѣ его сочиненія имѣютъ беллетристическую форму, но даже при поверхностномъ чтеніи замѣтно, что эта форма является въ нихъ чѣмъ-то вѣшнимъ, искусственно къ нимъ придѣланнымъ. Ему, напримѣръ, хотѣлось «прописать» ту поистинѣ дикую и вопіющую эксплуатацію, которой подвергаются въ сибирскихъ селахъ, лежащихъ на ихъ пути, рабочіе, идущіе по окончаніи лѣтнихъ работъ съ золотыхъ приисковъ. Онъ, конечно, могъ бы это сдѣлать въ простой статьѣ или въ рядѣ статей. Но ему показалось, что беллетристическое произведеніе сильнѣе подѣйствуетъ на читателя, и онъ написалъ «сцены», носящія общее названіе *«Паутина»*. Нѣкоторыя изъ этихъ сценъ написаны прямо мастерски и обнаруживаютъ несомнѣнный художественный талантъ въ авторѣ. Для примѣра укажемъ на сцену навязыванія товара полупьяному рабочему Евсею въ лавкѣ «торгующаго крестьянина» Ивана Матвѣича (т. I, стр. 88—97). Но это одно изъ счастливыхъ исключеній. Большинство же остальныхъ «сценъ», не переставая показывать хорошее знаніе авторомъ описываемой имъ среды, отличается страшною растянутостью и рѣжущою глаза искусственностью. Эти сцены наскоро спиты бѣлыми нитками, для изображенія той или другой формы эксплуатаціи. Дѣйствующія въ нихъ лица не живые люди, а антропоморфныя отвлеченности, получившія отъ автора даръ слова, а, лучше сказать, даръ болтливости, и страшно злоупотребляющія имъ въ видахъ просвѣщенія читателя. Особенно болтливы эксплуататоры, которые иногда такъ прямо о себѣ и говорятъ: не ищите у насъ ни стыда, ни совѣсти¹⁾. Но имъ и нельзя не быть болтливыми, болтливость является ихъ первою и почти единственною обязанностью; если бы они не были болтливы, то они и не понадобились бы Наумову. Характеры кулаковъ обыкновенно рисуются у него посредствомъ діалогсвъ. Онъ куда-нибудь ѣдетъ по дѣламъ службы,

¹⁾ Въ длиннѣйшей «сценѣ» расчета за постоя крестьянинъ Маркъ Антонычъ говоритъ обрааемымъ имъ постояльцамъ-рабочимъ: «У насъ о совѣсти-то энтой и попеченія не кладутъ, потому, сказываютъ, што хлѣбъ-то на деньги продаютъ, а на совѣсть-то его не вѣшаютъ... Ну, и точно, чего сказать, по нашимъ мѣстамъ всѣ грѣшны передъ Богомъ, ужъ праведнаго не сыщешь. По этому самому у насъ и ши-то приправляютъ не молитвой, какъ у васъ, а мясомъ» (т. I, стр. 154). Это сильно и вполнѣ вразумительно даже для самаго непонятливаго читателя: когда порокъ самъ рекомендуется порокомъ, то его никто не сочтетъ за добродѣтель. Но даже и у Наумова порокъ не всегда склоненъ къ саморазоблаченію. Тотъ же безстыдный Маркъ Антонычъ, въ отвѣтъ на восклицаніе одной изъ его жертвъ: «Грѣбъ!»,—«укоризненно» замѣчаетъ: «Милый, зачѣмъ энти слова». Это много естественнѣе.

заѣзжаетъ случайно къ какому-нибудь кулаку и начинаетъ задавать ему рядъ вопросовъ, на которые кулакъ подаетъ надлежащія реплики. Вопросы обыкновенно очень наивны, а подчасъ и прямо неумѣстны. Вотъ, напримѣръ, богатый кулакъ Кузьма Терентьичъ въ «Паутинѣ» увѣряетъ, что его жизнь—не жизнь, а «сухая каторга». По этому поводу авторъ спрашиваетъ: «Если вы сознаете, Кузьма Терентьичъ, что подобное ремесло, которымъ вы занимаетесь, и тяжело, и опасно, такъ отчего же не оставите его, чтобъ не испытывать болѣе такихъ трудовъ и опасностей, а?» (т. I, стр. 65). Кулакъ доказываетъ, что это невозможно, разговоръ оживляется, затягивается на нѣсколько страницъ, а именно это-то и нужно автору,—свой наивный вопросъ онъ задалъ именно ради этого. Въ очеркѣ «Горная идиллія» уже упомянутый мѣщанинъ Ереминъ, разговорившись, упоминаетъ о томъ, что сибирскіе чиновники, вопреки закону, не только не препятствуютъ продажѣ водки инородцамъ, но сами торгуютъ ею въ инородческихъ улусахъ. «Неужели исключительно для торговли виномъ они и ѣздятъ въ горы?» спрашиваетъ авторъ. Ереминъ, само собою разумѣется, восклицаетъ: «Нѣ-ѣтъ-съ, какъ это можно!» и затѣмъ подробно описываетъ подвиги чиновниковъ. Такимъ образомъ выходитъ интересный очеркъ, который вы, навѣрное, прочтете съ большимъ удовольствіемъ. Но, если вы вспомните, какой наивный вопросъ послужилъ поводомъ для этого очерка, если вы примете въ соображеніе, что авторъ, т.-е., лучше сказать, лицо, отъ имени котораго ведется рассказъ, само является чиновникомъ, и что, такимъ образомъ, заданный имъ вопросъ становится еще несравненно болѣе наивнымъ, то вы поневолѣ подивитесь первобытной простотѣ художественныхъ приемовъ Наумова; вы согласитесь, что беллетристомъ его можно назвать лишь съ оговорками.

Авторъ не всегда даетъ себѣ даже и тотъ небольшой трудъ, который нуженъ для придумыванія хотя бы и наивныхъ вопросовъ. Чаше всего онъ повторяетъ стереотипныя фразы въ родѣ: «Неужели все это правда?» или: «а ты не врешь все это?» И эти фразы всегда въ совершенно достаточной, а порою, какъ мы уже сказали, даже и въ излишней мѣрѣ, возбуждаютъ словоохотливость его собесѣдниковъ.

Эти словоохотливые собесѣдники обыкновенно хорошо владѣютъ народной рѣчью¹⁾. Къ сожалѣнію, они больше, чѣмъ это нужно, «закликаются отъ смущенія», и тогда они говорятъ, напримѣръ, такъ:

«— Ты... ты... ты... что жъ это взѣлся-то на меня? Развѣ я...

¹⁾ Говоримъ: *обыкновенно*, потому что не можемъ сказать *всегда*. Порою рассказчикъ изъ крестьянъ говоритъ обыкновеннымъ нашимъ литературнымъ языкомъ и только время отъ времени вставляетъ въ свою рѣчь слова въ родѣ: «слышь», «лонись» и т. п., какъ бы для напоминанія читателю, что онъ, рассказчикъ, не «интеллигентъ», а крестьянинъ. Наумовъ такъ хорошо знаетъ языкъ крестьянина, что ему ничего не стоило бы устранить этотъ недостатокъ. Но онъ, очевидно, даже и не замѣчаетъ его, будучи равнодушенъ къ формѣ своихъ произведеній.

я... я... обидѣлъ тебя чѣмъ?.. я... я... кажись, любовно съ тобой»,—и т. д. (т. II, стр. 146).

Согласитесь, что тутъ уже слишкомъ много «заиканій», и что герой такъ выражаетъ здѣсь свое смущеніе, какъ выражаютъ его иногда плохіе актеры на провинціальной сценѣ.

А вотъ еще одна особенность рѣчи словоохотливыхъ собесѣдниковъ Наумова. Всѣ они «съ ироніей говорятъ», «съ ироніей произносятъ», «съ ироніей спрашиваютъ», и т. д., и т. д. Безъ «ироніи» или «насмѣшки» они не произносятъ почти ни одного слова. Вотъ примѣръ:

«— Што жъ, ты спасеньемъ хошь согрѣваться, што ли, въ этой скворешницѣ-то?—*съ ироніей спросилъ онъ.*

— Спасеньемъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Давно ли ты на себя блажь то эту напустилъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ наказалъ меня за грѣхи мои.

— А-а-а,—протянулъ онъ,—стало быть, много же грѣховъ то было, хе, хе, хе, што заживо грѣютъ тебя? — *съ насмѣшкой спросилъ онъ...*» (т. I, стр. 209).

Или:

«— Милости просимъ, батюшка... погости ужо, присядь, авось погодка-то и скоро перейдетъ на твое счастье... Не шибко, штобы красно у меня было здѣся!—*съ ироніей продолжалъ онъ*» (т. I, стр. 30)—и т. д.

Эта всегда старательно отмѣчаемая авторомъ «иронія», которая смѣняется лишь «сарказмомъ» или «насмѣшкой», подъ конецъ надоедаетъ и раздражаетъ, какъ неумѣстное повтореніе одного и того же мѣста. Авторъ легко могъ бы избавить читателя отъ этой докучки, предоставивъ ему самому замѣчать иронію, когда она сквозитъ въ словахъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ не сдѣлалъ этого. Ему хотѣлось обрисовать характеръ русскаго народа. По его убѣжденію, иронія составляетъ одну изъ яркихъ чертъ этого характера, и онъ насовалъ вездѣ «ироніи» и «сарказмовъ», не допуская даже и мысли о томъ, что они могутъ надоесть читателю.

У Наумова никогда не было большого художественнаго таланта. Но уже одного такого очерка, какъ «У перевоза», или «Деревенскій аукціонъ» достаточно для того, чтобы признать его талантливымъ беллетристомъ. Въ пользу его художественнаго таланта свидѣлствуютъ также многія отдѣльныя сцены и страницы, разбросанныя въ двухъ томахъ его сочиненій. Но онъ не культивировалъ своего художественнаго таланта, лишь изрѣдка позволяя ему развернуться во всю силу, чаще же всего сознательно жертвуя имъ ради извѣстныхъ публицистическихъ цѣлей. Это очень вредило таланту, но нисколько не мѣшало практическому дѣйствию сочиненій.

II.

Какія же практическія цѣли преслѣдовалъ Наумовъ въ своей ли-

тературной дѣятельности? Ихъ слѣдуетъ выяснитъ именно потому, что его дѣятельность встрѣчала такое горячее сочувствіе въ средѣ самой передовой молодежи семидесятыхъ годовъ.

Въ очеркѣ «Яшникъ» авторъ, приступая къ разсказу, дѣлаетъ слѣдующую знаменательную оговорку:

«Я не буду вдаваться въ подробное описаніе лишеній, горя и радостей, какія встрѣчались въ жизни Яшника, изъ опасенія не только утомить вниманіе читателя, но и показаться смѣшнымъ въ глазахъ его. Описывая жизнь героя, взятаго изъ интеллигентной среды, авторъ навѣрное можетъ разсчитывать, что возбудитъ въ читателѣ сочувствіе и интересъ къ горю и радостямъ избраннаго имъ лица, потому что горе и радость его будутъ понятны каждому изъ насъ. Но будутъ ли понятны намъ горе и радость такихъ людей, какъ Яшникъ? Что сказалъ бы читатель, если бы авторъ подробно описалъ ему радость, охватившую Яшника, когда у него отелилась корова, купленная имъ послѣ многихъ трудовъ и лишеній и долго ходившая межумолокомъ, лишивъ дѣтей его единственной пищи—молока. Развѣ не осмѣялся бы онъ претензіи его описывать подобныя радости такихъ ничтожныхъ людей, какъ Яшникъ? Въ состояніи ли мы понять глубокое горе Яшника, просчитавшагося однажды на рубль семь гривенъ при продажѣ на рынкѣ корытъ, кадушекъ, ковшей, какіе онъ выдѣлывалъ изъ дерева въ свободное отъ полевыхъ работъ время? Конечно, мы съ удовольствіемъ бы поохотились, если бы намъ талантливо изобразили всю комичность этого бѣдняка, который нѣсколько дней послѣ того ходить, какъ потерянный, разводя руками и говоря: «А-ахъ ты, напасть, да не наказаніе ли это Божеское, на цѣлые рубль семь гривенъ обманиулился, а-а?» Но понять горе челоуѣка, убивавшагося изъ-за такой ничтожной суммы, мы не можемъ. Въ нашей жизни рубль семь гривенъ никогда не играютъ такой важной роли, какую играютъ они въ жизни такихъ людей, какъ Яшникъ. Мы отдаемъ болѣе лакею, подавшему намъ богатый обѣдъ въ ресторанѣ. Тогда какъ Яшникъ для того, чтобы выручить рубль семь гривенъ и отдать ихъ въ уплату причитающейся съ него подати, выгребалъ послѣдній хлѣбъ изъ закрома и везъ его на рынокъ на продажу, питаясь съ семьей отрубями, смѣшанными съ сосновой корой, и другими суррогатами, глядя на образцы которыхъ, выставляемые въ музеяхъ, мы только пожимаемъ плечами отъ удивленія, какъ могутъ люди питаться подобною мерзостью. Итакъ, избѣжавъ всѣхъ этихъ неинтересныхъ для насъ подробностей, я прямо перейду къ разсказу того эпизода въ жизни Яшника, который имѣлъ роковое вліяніе на судьбу его». (Т. I, стр. 213).

Эта длинная оговорка есть прямой упрекъ нашему «обществу», которое не умѣетъ сочувствовать народному горю. Изображенію этого горя въ одномъ изъ его безчисленныхъ проявленій, посвященъ цитируемый очеркъ. Самъ по себѣ онъ очень плохъ: отъ него вѣетъ какою-то почти искусственною слезливостью. Но цѣль его совершенно ясна: Наумовъ хотѣлъ показать, что даже такой, во всѣхъ смыслахъ маленькій челоуѣкъ, какъ Яшникъ — что-то въ родѣ «сидящаго на землѣ» Акакія Акакіевича — способенъ къ благороднымъ порывамъ, и что уже по одному этому заслуживаетъ сочувствія. Мысль эта, — нечего говорить, — вполне справедлива, но уже очень элементарна, до такой степени элементарна, что невольно спрашиваешь себя: да неужели же подобныя мысли были такъ новы для передовой интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, что она считала нужнымъ горячо рукоплескать высказывавшему ихъ писателю?

Въ дѣйствительности передовая интеллигенція семидесятыхъ годовъ увлекалась не этими элементарными мыслями Наумова, а тѣми радикальными выводами, которые она сама дѣлала изъ его сочиненій. Мы не знаемъ, когда былъ напечатанъ «Яшникъ», да это и неважно. Важно вотъ что: если этотъ очеркъ увидѣлъ свѣтъ еще въ семидесятыхъ годахъ, то онъ понравился передовымъ читателямъ, во-первыхъ, вышеприведеннымъ упрекомъ обществу, живущему на счетъ народа, но неспособному понять и облегчить его положеніе, а во-вторыхъ, изображеніемъ благороднаго характера несчастнаго Яшника. Это благородство являлось чрезвычайно отраднымъ и желаннымъ свидѣтельствомъ въ пользу «народнаго характера», идеализація котораго было совершенно естественной и необходимой потребностью у лучшихъ людей того времени. Теперь мы твердо знаемъ, что такъ называемый народный характеръ ни въ какомъ случаѣ не ручается за будущія судьбы народа, потому что онъ самъ является слѣдствіемъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, съ болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіемъ которыхъ и онъ долженъ будетъ измѣниться болѣе или менѣе существенно. Но это взглядъ, который былъ совершенно чуждъ народнической интеллигенціи семидесятыхъ годовъ. Она держалась противоположнаго взгляда, согласно которому основной причиной даннаго склада общественныхъ отношеній являются народные взгляды, чувства, привычки и вообще народный характеръ. Какой огромный интересъ должны были имѣть въ ея глазахъ сужденія о народномъ характерѣ: вѣдь отъ свойствъ этого характера зависѣло, по ея мнѣнію, все будущее общественное развитіе нашего народа. Наумовъ правилъ ей именно тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ отчасти, изображалъ народный характеръ такимъ, какимъ ей хотѣлось его видѣть. Даже очевидные теперь недостатки его сочиненій тогда должны были казаться большими достоинствами. Такъ, у Наумова, собственно говоря, есть только два героя: эксплуататоръ и эксплуатируемый. Эти герои отдѣлены другъ отъ друга цѣлой бездной, и никакихъ переходовъ отъ одного къ другому, никакихъ связующихъ звеньевъ не замѣчается. Это, разумѣется, большой недостатокъ, сильно бросающійся въ глаза при сравненіи сочиненій Наумова, напримѣръ, съ сочиненіями Златовратскаго, гдѣ дѣйствующія лица являются по большей части уже живыми людьми, а не антропоморфными отвлеченностями. Но передовой интеллигенціи семидесятыхъ годовъ этотъ недостатокъ долженъ былъ казаться достоинствомъ. Она сама была убѣждена, что между крестьяниномъ-кулакомъ и крестьяниномъ, жертвой кулацкой эксплуатаціи, нѣтъ ровно ничего общаго; кулакъ казался ей случайнымъ плодомъ виѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній на народную жизнь, а не необходимымъ результатомъ той фазы экономическаго развитія, которую переживало крестьянство. Постоянно возбужденная и готовая на все ради народнаго блага, она была увѣрена, что въ сущности можно сразу и безъ очень большого труда, однимъ энергич-

нымъ успіемъ снять съ народнаго тѣла этотъ посторонній ему, извнѣ наложенный на него, слой паразитовъ. А, разъ у нея возникла и окрѣпла эта увѣренность, ей уже сдѣлалось непріятно читать такіе очерки изъ народнаго быта, которые показывали ей, что она не совсѣмъ права, т.-е. что эксплуатація крестьянъ крестьяниномъ порождается не одними только т. н. «внѣшними» вліяніями на народную жизнь ¹⁾, и наоборотъ,—ей стали особенно нравиться такія произведенія, которыя хоть немного подтверждали ея любимую мысль.

Пусть вспомнить читатель, какъ сильно и горько упрекали тогда Г. И. Успенскаго за его будто бы излишній и неосновательный пессимизмъ. Въ чемъ заключался этотъ «пессимизмъ»? Именно въ указаніи тѣхъ сторонъ крестьянской жизни, благодаря которымъ неравенство, а съ нимъ и эксплуатація крестьянина крестьяниномъ возникаютъ въ сельской общинѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенно отсутствуютъ благопріятныя для ихъ роста *внѣшнія* вліянія. Народническая интеллигенція имѣла всѣ основанія быть недовольной Г. И. Успенскимъ: пытливая мысль этого замѣчательнаго человѣка разлагала одно за другимъ всѣ главныя положенія народничества и подготавливала почву для совершенно иныхъ взглядовъ на нашу народную жизнь. У Наумова не было ничего подобнаго, онъ не заставлялъ читателя вкушать отъ древа познанія добра и зла, плоды котораго, какъ извѣстно, бываютъ иногда очень горьки; онъ, не мудрствуя лукаво, возбуждалъ чувство ненависти къ эксплуататорамъ, т.-е. какъ разъ тѣ самыя чувства, appealing къ которымъ составляла главную, если не единственную, силу народническихъ доводовъ. Народникамъ не могли не нравиться у Наумова даже тѣ сцены объясненія кулаковъ съ ихъ жертвами, которыя, за небольшими исключеніями, кажутся намъ теперь страшно растянутыми и потому скучными: вѣдь въ нихъ кулаки выставлены къ позорному столбу, ихъ называютъ грабителями, бранятъ аспидами и т. д. Люди, собиравшіеся не сегодня-завтра положить конецъ существованію аспидовъ и не обладавшіе развитымъ эстетическимъ вкусомъ, должны были съ удовольствіемъ читать подобныя сцены.

Н. И. Наумовъ никогда не шелъ дальше проповѣди самой элементарной гуманности. Въ мужикѣ такая же душа, какъ и въ насъ ²⁾; каторжникъ тоже человѣкъ, между такъ называемыми преступниками есть много душевно-больныхъ, которыхъ слѣдовало бы лѣчить, а не наказывать ³⁾— вотъ къ какимъ азбучнымъ истинамъ сводится его проповѣдь. Къ этому надо прибавить, что никакихъ дѣйствительныхъ рѣшеній поднимаемыхъ имъ общественныхъ вопросовъ онъ не предлагаетъ,

¹⁾ Подъ внѣшними вліяніями разумѣлось тогда вліяніе государства и высшихъ сословій.

²⁾ См. стр. 74, т. I, гдѣ эта мысль высказывается устами добродѣтельнаго старшины Флегонта Дмитріча.

³⁾ См. разсказъ «Поскотникъ» и сцена «Паутина».

а, напротивъ, обнаруживаетъ явную готовность удовольствоваться палліативами ¹⁾. Если бы увлекавшаяся сочиненіями Наумова передовая народническая интеллигенція семидесятыхъ годовъ, когда-нибудь ясно представила себѣ тѣ практическія цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ своими сочиненіями, то она взглянула бы на него, какъ на человѣка крайне отсталого. Но она не доискивалась этихъ цѣлей, вовсе и не интересовалась ими. У нея была своя, твердо поставленная цѣль. Ей казалось, что сочиненія Наумова являются новымъ и сильнымъ доводомъ въ пользу этой цѣли, и потому она зачитывалась ими, не спрашивая ни объ ихъ художественномъ достоинствѣ, ни о практической «программѣ» ихъ автора.

Осуществленіе цѣли, которой она задавалась, предполагало, помимо всего другого, огромную самодѣятельность въ нашемъ крестьянствѣ. Но въ сочиненіяхъ Наумова нѣтъ ни малѣйшаго намека на такую самодѣятельность. Изображаемая бѣдность умѣетъ только хлопотъ себя по бедрамъ, восклицая: «а-а-ахъ!» или: «есть ли Богъ-то у тебя?» Если изъ ея среды и выходятъ когда-нибудь люди, неспособные покорно подставлять шею подъ ярмо деревенскихъ эксплуататоровъ и призывающихъ ее къ отпору, то она не умѣетъ поддержать такихъ людей. Рассказъ *«Крестьянскіе выборы»* хорошо обрисовываетъ это отношеніе сельской бѣдности къ ея собственнымъ защитникамъ. Умный и настойчивый крестьянинъ Егоръ Семеновичъ Бычковъ навлекаетъ на себя ненависть міроѣдовъ, волостного начальства и даже посредника своимъ независимымъ поведеніемъ и энергичнымъ, умѣлымъ отстаиваніемъ интересовъ крестьянскаго міра. Но зато его любятъ крестьяне, которые даже собираются выбрать его волостнымъ старшиною. Разумѣется, это намѣреніе очень не нравится міроѣдамъ, и по всей У... волости закипаетъ ожесточенная борьба партій. Чѣмъ болѣе приближается время выборовъ, тѣмъ сильнѣе нападаетъ партія кулаковъ на излюбленнаго міромъ человѣка, пуская въ ходъ и деньги, и клевету. Въ числѣ другихъ небылицъ, распространяемыхъ насчетъ Бычкова, ходитъ слухъ о томъ, что его скоро посадятъ въ острогъ за то, что онъ будто бы подговаривалъ крестьянъ жаловаться высшему начальству на неправильныя дѣйствія посредника и чиновъ земской полиціи. Крестьяне отчасти догадываются, что этотъ слухъ распушенъ кулаками; но, съ другой стороны, они не могутъ не признать, что онъ заключаетъ въ себѣ значительную долю вѣроятности. Они отчасти и сами готовы признать бунтовщикомъ своего излюбленнаго человѣка.

¹⁾ Иногда онъ точно указываетъ эти палліативы. «Въ первые два года, по приходѣ въ Сибирь, переселенцы почти всегда бѣдствуютъ и нуждаются въ помощи, но выдавать имъ пособія однимъ только хлѣбомъ, по моему мнѣнію, есть крайняя ошибка, вытекающая отъ незнанія условій крестьянской жизни въ Сибири. Переселенцу прежде всего нужна помощь для пріобрѣтенія лошади, телеги, саней, сельско-хозяйственныхъ и домашнихъ орудій и избы», и т. п. (т. II, стр. 376).

Они говорятъ: «Какъ знать, чужая душа потемки! А что Бычковъ съ начальствомъ мужикъ зазористый, не потайшь грѣха!» Такимъ образомъ, ловкая выдумка сильно дѣйствуетъ на сельскую бѣдноту: признаваемый ею «грѣхъ» Быкова значительно ослабляетъ ея энергію. А когда посредникъ доводитъ до свѣдѣнія крестьянъ, созданныхъ на волостной сходъ для избранія старшины, что онъ не допуститъ выбрать Быкова и даже не позволитъ имъ разѣхаться по домамъ, пока они не подадутъ своихъ голосовъ за кандидата, выставленнаго міроѣдами,—они покоряются. «Не обошлось, конечно, и безъ говора, и говора рѣзкаго, желчнаго; не обошлось и безъ аханья, и безъ любимаго, много выражающаго у крестьянина жеста—похлопыванія себя руками по бедрамъ, но все это въ концѣ-концовъ привело къ тому, что многіе уѣхали молча, другіе же подали свой голосъ за Трофима Кирилловича (кандидата кулацкой партіи), и къ вечеру того же дня шумное село опустѣло, и всѣ дороги и тропинки усыялись народомъ, ѣхавшимъ по домамъ и громко толковавшихъ о наставшихъ порядкахъ (т. I, стр. 500—501).

А Бычковъ? А Быкова посредникъ, вопреки закону, приказалъ посадить въ волостную тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ, вынося страшныя лишенія и притѣсненія, около пяти мѣсяцевъ. Освобожденный, наконецъ, благодаря случайному заступничеству засѣдателя, онъ нашелъ свое хозяйство совсѣмъ разореннымъ, а своихъ бывшихъ сторонниковъ страшно запуганными.

«Онъ не лишился уваженія и сочувствія окружающихъ,—говоритъ Наумовъ,—потому что не въ натурѣ русскаго простолюдина отталкиваться отъ несчастія; но боязливость и таинственность, въ какой выражались они изъ опасенія вызвать преслѣдованія и на себя, большѣе отдавались въ немъ, чѣмъ если бы и совсѣмъ ихъ не было. Явно отъ него сторонились, какъ отъ зараженнаго, не рѣшаясь переступить и порога всегда привѣтливаго дома его» (т. I, стр. 506—507). Бычковъ сдѣлался нелюдимымъ, сталъ избѣгать всякихъ столкновеній со своими односельчанами и, наконецъ, рѣшился выселиться въ другой округъ. Односельчане провожали его съ искреннимъ сожалѣніемъ, и, когда его кибитка скрылась изъ виду, они, расходясь по домамъ, долго еще толковали о томъ, какъ «ни за што» пропалъ этотъ человѣкъ, въ которомъ было такъ много правды.

Заканчивая исторію Егора Семеновича, Наумовъ замѣчаетъ, что онъ все-таки не погибъ и «встрѣтилъ себѣ достойную оцѣнку» на новомъ мѣстѣ жительства: его выбрали тамъ въ волостныя старшины. Стало быть, добродѣтель въ концѣ-концовъ все-таки восторжествовала. Но не знаемъ, какъ кого, а насъ мало радуетъ это ея торжество, оно кажется намъ *придуманнѣмъ*, и ужъ во всякомъ случаѣ совершенно *случайнѣмъ*. Такъ какъ крестьяне У... волости ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ другихъ волостей, то ясно, что и на новомъ мѣстѣ своего

жительства Бычковъ могъ оказаться согнутымъ въ бараній рогъ, а его новые односельчане не только могли, но и должны были оказаться въ этомъ случаѣ столь же пугливыми, какъ и прежніе.

Почему же передовая интеллигенція семидесятыхъ годовъ не замѣтила, что изображаемая Наумовымъ страдающая крестьянская масса совершенно лишена самодѣтельности? Теперь не легко и отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что уже не легко теперь возстановить во всѣхъ частностяхъ психологію передового народника того времени. Вѣроятно же всего, что дѣло объясняется такъ: передовая интеллигенція полагала, что мірскіе люди, подобные Бычкову, гибли вслѣдствіе отсутствія всякой взаимной связи между ними и всякой помощи имъ, всякаго руководства извнѣ. Создать эту связь, принести эту помощь, дать это руководство и обязана интеллигенція. Когда эта обязанность будетъ исполнена, тогда мірскіе люди не будутъ уже безсильными одиночками, да и сама крестьянская масса перестанетъ пугаться первой встрѣчной кокарды и трусливо покидать въ нуждѣ своихъ защитниковъ. Именно ради исполненія этой обязанности и шла въ народъ тогдашняя передовая интеллигенція.

А мірскіе люди, подобные Бычкову, оставались ея любимыми типами. Наумовъ говоритъ о такихъ людяхъ: «Они всецѣло отдаются своему дѣлу, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не щадя себя; въ нихъ много неискоренимой вѣры въ правду, и они доискиваются ея всѣми путями; они незнакомы съ разочарованіемъ, хотя жизнь на каждомъ шагу наталкиваетъ ихъ на него, и когда передъ ними закроются всѣ пути, ведущіе къ ихъ цѣли, они пробиваютъ новые и все-таки идутъ, идутъ къ ней, пока не падутъ подъ бременемъ неравной борьбы» (т. I, стр. 435). Подумайте, съ какимъ восторгомъ должна была внимать изображенію такихъ людей тогдашняя передовая интеллигенція. Сколько самыхъ отрадныхъ надеждъ она должна была связывать съ ихъ существованіемъ! И она, конечно, не ошибалась, высоко цѣня такихъ людей. Ея ошибка была не тутъ. Она заключалась въ легкомысленной идеализаціи нашего стараго, уже и тогда быстро разлагавшагося экономического порядка. Увѣковѣченіе этого порядка необходимо повело бы за собою увѣковѣченіе тѣхъ самыхъ свойствъ народнаго характера, о которыхъ такъ часто разбивалась энергія Бычковыхъ и о которыхъ разбилося впослѣдствіи самоотверженіе народниковъ.

III.

Посмотримъ, каковъ былъ этотъ старый экономическій порядокъ и какъ отражался онъ на взглядахъ, чувствахъ и привычкахъ народной массы, подвергавшейся его неотразимому вліянію.

Наумовъ совсѣмъ не задавался цѣлью его всесторонняго изображенія. Онъ подробно останавливался только на нѣкоторыхъ его социальныхъ послѣдствіяхъ. Однако, у него мимоходомъ собрано довольно много

матерьяла для характеристики этого стараго порядка и его вліянія на народную жизнь.

Наблюденія Наумова относятся большею частью къ быту сибирскихъ крестьянъ, но это, разумѣется, нисколько не измѣняетъ дѣла.

Потрудитесь прислушаться къ слѣдующему разговору автора съ ямщикомъ, везущимъ его въ село Т...ъ (Паутина):

«— Какія благодатныя мѣста у васъ...

— Мѣста у насъ—умирать, братъ, не надо!—отозвался ямщикъ.— По этимъ мѣстамъ только бы жить да жить нашему брату, а все, другъ мой сердешный, мается народъ-то: и хлѣба теперича урожай, не пожалуемся, и пчелка водится, медку-то тебѣ за лѣто съ избыткомъ принесетъ она, а маемся, диво вотъ!—заклучилъ онъ.

— Отчего же вы маетесь?

— Отчего?—повторилъ онъ.—И хорошія, братъ, мѣста у насъ, да глухія, суди самъ: теперича въ урожайный-то годъ хлѣбъ-то хошь даромъ отдавай, такъ никто не беретъ у тебя, вотъ онъ, дѣло-то! А подать-то не ждетъ, по хозяйству тоже безъ гроша клина не вобьешь, а гдѣ ихъ, грошей-то, братъ прикажешь? укого лошадей много да во времени избытокъ, нагрузить воза да въ Т...ъ городъ везетъ; ему и выгода, и богатѣетъ, а нашему-то брату несподручно это, потому и лошадушекъ намаешь, и время-то тебѣ терять не приходится... Вотъ ты и у хлѣба сидишь, а горя не минуешь...» (т. I, стр. 54).

Справедливость этой мысли, что крестьянинъ можетъ натерпѣться горя, даже сидя у хлѣба, явствуетъ также изъ отзывовъ уже упомянутаго выше кулака Кузьмы Терентьича. Въ отвѣтъ на наивный вопросъ, отчего онъ не займется хлѣбопашествомъ, торгашъ сухо отвѣчаетъ: «отвыкли-съ!», а когда авторъ спрашиваетъ, неужели у нихъ въ семьѣ никто уже не обрабатываетъ земли ¹⁾? онъ говоритъ:

«—Кое-кто и сѣются, есть, а намъ не къ чему-съ! Мало ли окрестъ насъ селъ и деревень хлѣбопашество-то ведутъ, въ хлѣбъ-то по уши зарылись, а все нищѣ, все около насъ же колются. Куда вы его сбывать-то будете? У нихъ вонъ есть хлѣбъ-то въ скирдахъ по пяти, по шести лѣтъ стоитъ, а у него бродней купить не на што, чтобы отъ холоду оборониться. Вотъ и сѣйте его. Нѣтъ, не дѣло это, сударь!» (т. I, стр. 65).

Въ другомъ мѣстѣ («Юровая») крестьянинъ, старающійся продать кулаку рыбу, разсуждаетъ такъ:

— ...И у хлѣба сидимъ, не погнѣвимъ Бога, да хлѣбъ-то энтотъ не по насъ, неужъ ты думаешь, и мы не поѣли бы рыбки-то? Поѣли бы и какъ бы исхо поѣли... Да вотъ съѣшь-ко ее, попробуй, такъ чѣмъ подушныя-то справишь? Чѣмъ по домашности дыры-то заткнешь?

¹⁾ Это одно изъ тѣхъ селъ, жители которыхъ почти поголовно занимаются сплаваніемъ и обираніемъ пріисковыхъ рабочихъ.

А много дыръ-то, о-охъ, много! Успѣвай только конопатить! Иной бы и въ городъ чего свезъ, нашлось бы по домашности-то, да куды повезешь-то? Триста верстъ отмѣрять на одной животинкѣ—нагрѣешь ноги и безъ пути нагрѣешь-то ихъ; што и выручишь, все на прокормъ тебѣ да лошадушкѣ уйдетъ, а домой-то съизнова прѣдешь ни съ чѣмъ и проѣздишь-то не мало время, а кто робить-то безъ тебя дома-то будетъ? А вѣдь домашность-то тоже не ждетъ, иное время часть дорогъ. Вотъ и суди мужичье-то дѣло»... (т. I, стр. 353).

Полагаемъ что этихъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о народномъ хозяйствѣ описываемыхъ Наумовымъ мѣстностей. Это хозяйство есть такъ называемое въ наукѣ *натуральное* хозяйство. Но это натуральное хозяйство уже переходитъ въ *товарное*. Крестьянину нужны не только естественныя произведенія его собственнаго поля, огорода и скотнаго двора; ему нуженъ также и «всеобщій товаръ», т.-е. деньги, и даже сравнительно не мало денегъ. И притомъ деньги нужны ему не только для удовлетворенія требованій государства, т.-е. для уплаты податей, но и для собственной «домашности», гдѣ, какъ оказывается, много дыръ, которыя можно заткнуть только деньгами. Но деньги не легко достаются крестьянину. При обиліи естественныхъ произведеній сельскаго хозяйства и при отсутствіи широкаго и правильнаго ихъ сбыта, эти произведенія отдаются чуть не даромъ. Поэтому денежные люди, захватывая въ свои руки всю торговлю ими, наживаютъ огромные барыши, которые ставятъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи чрезвычайно высоко надъ крестьянской массой.

Но это не все. Являясь господиномъ сбыта естественныхъ произведеній крестьянскаго хозяйства, обладатель «всеобщаго товара» становится въ то же время господиномъ и надъ самимъ производителемъ. *Производитель* попадаетъ въ кабалу къ *скупщику*, и кабала эта тѣмъ беспощаднѣе и тѣмъ грубѣе, чѣмъ менѣе успѣло развиться уже начавшее развиваться денежное хозяйство. Скупщикъ хочетъ распоряжаться и дѣйствительно распоряжается не только *продуктами* крестьянскаго *труда*, но и *всѣмъ сердцемъ, вѣсѣмъ помысленіемъ* крестьянина. «Въ этой бѣдной, забитой жизни,—говоритъ Наумовъ,—капиталъ играетъ еще большую роль, чѣмъ гдѣ-либо, подавляя всякую правдивую мысль, если бы она родилась въ умѣ бѣдняка, одѣятаго въ оборванный полшубокъ и такія же бродни (т. I, стр. 344).

Народникамъ казалось, что кулаки вырастаютъ въ крестьянской средѣ вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ вліяній на нее. Они считали кулачество такимъ элементомъ народно-хозяйственной жизни, который легко удалить, не только не измѣняя основъ этой жизни, но всѣми силами укрѣпляя ихъ. Мы видѣли, что кулакъ-*скупщикъ* является неизбѣжнымъ порожденіемъ извѣстной фазы общественно-экономическаго развитія. Если бы какой-нибудь общественный катаклизмъ уда-

илѣ всѣхъ скупщиковъ, но они вновь народились бы въ самое короткое время по той простой причинѣ, что предполагаемый катаклизмъ не устранилъ бы экономической причины ихъ появленія.

Народники всегда склонны были идеализировать натуральное крестьянское хозяйство. Они отъ души радовались всѣмъ тѣмъ явленіямъ и всѣмъ тѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, которыя могли, казалось имъ, упрочить это хозяйство. Но такъ какъ въ дѣйствительности у насъ нѣтъ уже такихъ мѣстностей, гдѣ не начался бы и не совершился бы въ болѣе или менѣе значительной степени переходъ натурального хозяйства въ товарное, то мнимое упроченіе натурального хозяйства въ дѣйствительности означало не болѣе, какъ *упроченіе самыхъ первобытныхъ, самыхъ грубыхъ и самыхъ безпощадныхъ формъ эксплуатаціи производителя.*

Народники искренно желали добра нашей трудящейся массѣ, но, плохо выяснивъ себѣ смыслъ современной имъ русской экономики, они, по извѣстному выраженію Грибоѣдова, идя въ комнату, попадали въ другую.

Итакъ, населеніе описанныхъ Наумовымъ мѣстностей страдало и отъ развитія товарнаго производства, и отъ недостатка его развитія. Какія общественныя отношенія вырастаютъ на такой экономической почвѣ?

При натуральномъ хозяйствѣ каждая данная экономическая ячейка удовлетворяетъ продуктами своего собственнаго хозяйства почти всѣ свои нужды. Раздѣленія труда между этими ячейками не существуетъ: каждая изъ нихъ производитъ то же, что и всѣ остальные. Нашимъ народникамъ такой экономическій порядокъ казался какимъ-то золотымъ вѣкомъ, въ которомъ не было ни печали, ни воздыханій, а было всестороннее, гармоничное развитіе трудящихся. Всѣ популярныя между народниками формулы *прогресса* такъ или иначе совѣтовали цивилизованному человѣчеству *регрессировать* вплоть до натурального хозяйства. Да и теперь еще очень многіе убѣждены у насъ, что крестьянинъ, способный своими собственными продуктами удовлетворить большую часть своихъ потребностей, непременно будетъ «развитѣе» любого промышленнаго рабочаго, всегда занятаго однимъ и тѣмъ же родомъ труда. Для провѣрки этого мнѣнія мы очень рекомендуемъ прочитать въ I томѣ сочиненій Наумова разсказъ: *Замора*.

Заморами называются рытвины, образующіяся на санной дорогѣ во время таянія снѣга. Изъ нихъ очень трудно выбраться разъ застрявшимъ въ нихъ проѣзжимъ. Поэтому ихъ очень боятся. Въ разсказѣ Наумова зовутъ заморой крестьянина Максима Королькова, обладающаго неслыханнымъ въ «интеллигентной» средѣ свойствомъ—*«зандливостью»*. Изъ объясненій его односельчанъ выходитъ, впрочемъ, что это странное свойство есть не что иное, какъ склонность къ размышленію, къ *думѣ*: «онъ, Замора-то, сейчасъ это въ душу вдарится: по-

чему да отчего все это, да гдѣ законъ экой?» Крестьянамъ эта склонность кажется совершенно неумѣстной въ ихъ быту; они убѣждены, что думать—это не «мужичье дѣло». Конечно, совсѣмъ безъ думы даже и мужику прожить невозможно: «и хотѣлъ бы, можетъ, въ ину пору жить безъ думы, да, вишь, дума-то не спрашиваетъ, надоть ее или нѣтъ, а сама тебѣ безъ спросу въ голову лѣзетъ». Но дума думѣ рознь. Иную думу крестьянинъ можетъ «свободно допускать» къ себѣ, а иную онъ долженъ гнать и «давить», какъ «блажную», т.-е. вредную. Блажными думами считаются такія, которыя относятся не къ собственному хозяйству размышляющаго, а къ существующимъ общественнымъ отношеніямъ или хотя бы даже къ обычаямъ. Замора спрашиваетъ: «почему, коли отъ Бога нѣтъ закона вино пить, а ты пьешь, вредительность себѣ приносишь?» По мнѣнію крестьянина, сообщавшаго объ этомъ автору, это была вредная дума, потому что «такъ» не можно.

«—Отчего же не можно, объясни ты мнѣ?! — спрашиваетъ его авторъ.

— Не стать, не мужичье дѣло въ экія думы входить,—горячо отвѣчаетъ онъ.—Мужичье дѣло, батюшка, одно знать: паши, сѣй, блюди хозяйство, соблюдай—чего съ тебя начальство требуетъ, а не вникайся, ни Боже мой...

— Ни во что не вникайся, что бы ни дѣлалось вокругъ тебя, а?

— Ни въ малую соринку!

— А Замора вникалъ?

— Про-то и говорю, что заѣдался! Дума-то, батюшка, что калачъ на голодные зубы, приманчива; вдайся только въ нее и не услышишь, какъ облопаешься.

— Думой-то?

— Ну, помысломъ-то про то, да про сѣ, чего тебѣ вовсе не слѣдъ знать и вѣдать» (т. I, стр. 285).

Человѣку, привыкшему къ «думѣ», трудно даже и понять, какъ это можно ею «облопаться». Между тѣмъ, бѣдный Замора дѣйствительно заболѣлъ отъ нея; онъ кончилъ галлюцинаціями и «пророчествами». Нѣчто подобное же Наумовъ изображаетъ въ этюдѣ «Умалишенный». Крестьянинъ, начавшій «вникаться» въ окружающіе его порядки, сходитъ съ ума. Когда мы читали этотъ этюдъ, намъ вспомнилось, какую большую роль играли всякаго рода «видѣнія», «гласы», «пророчества» и т. п. въ исторіи нашего раскола. Расколъ несомнѣнно былъ одной изъ формъ протеста народа противъ тягостей, которыми обременяло его государство. Въ расколѣ народъ протестовалъ посредствомъ своей «думы», но это была надломленная, до горячки больная дума людей, совершенно не привыкшихъ размышлять о своихъ собственныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Пока такіе люди довольны этими отношеніями, они считаютъ, что малѣйшая перемѣна въ нихъ

можетъ разсердить небо, а когда эти отношенія становятся очень неудобными, люди осуждаютъ ихъ во имя небесной воли и ждутъ чуда, въ родѣ появленія ангела съ огненной метлою, который смететъ нечестивые порядки, расчистивъ мѣсто для новыхъ, болѣе угодныхъ Богу.

IV.

«Паши, сѣй, блюди хозяйство, соблюдай, чего съ тебя начальство требуетъ, а не вникайся, ни Боже мой!»—такъ говоритъ обстоятельный хозяйственный крестьянинъ. Область, въ которой можетъ безопасно вращаться крестьянская мысль, ограничивается предѣлами крестьянскаго хозяйства. Занимаясь хозяйствомъ, крестьянинъ становится въ извѣстныя отношенія къ землѣ, къ навозу, къ орудіямъ труда, къ рабочему скоту. Допустимъ, что эти отношенія чрезвычайно разнообразны и крайне поучительны. Но они не имѣютъ ничего общаго со взаимными отношеніями людей въ обществѣ, а именно этими-то отношеніями и воспитывается мысль гражданина, именно отъ нихъ-то и зависитъ бѣольшая или меньшая широта его взглядовъ, его понятія о справедливости, его общественные интересы. Пока мысль человѣка не выходитъ за предѣлы его хозяйства, до тѣхъ поръ мысль эта спитъ мертвымъ сномъ, а если и пробуждается подъ вліяніемъ какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, то пробуждается лишь для галлюцинацій. Натуральное хозяйство очень неблагоприятно для развитія чуткой общественной мысли и широкихъ общественныхъ интересовъ. Такъ какъ каждая данная экономическая ячейка довольствуется своими собственными продуктами, то сношенія ея съ остальнымъ міромъ крайне немногосложны, и она совершенно равнодушна къ его судьбамъ. У насъ привыкли превозносить чувство солидарности, будто бы въ высокой степени свойственное крестьянамъ-общественникамъ. Но это совсѣмъ неосновательная привычка. Въ дѣйствительности крестьяне-общинники такіе же индивидуалисты, какъ и крестьяне-собственники. «Фиктивно соединенные въ общество круговою порукою при исполненіи многочисленныхъ общественныхъ обязанностей, большею частью къ тому же навязываемыхъ извнѣ,—справедливо говоритъ Г. И. Успенскій,—они, не какъ общинники и государственные работники, а просто какъ люди, предоставлены каждый самъ себѣ, каждый отвѣчай за себя, каждый самъ за себя страдай, справляйся, если можешь, если не можешь — пропадай» («Изъ деревенскаго дневника»). Правда, это замѣчаніе Г. И. Успенскаго относится къ крестьянамъ Новгородской губерніи, давно уже живущимъ при условіяхъ очень развитого, товарнаго хозяйства. Но изъ сочиненій Наумова видно, что солидарности не больше и между сибирскими крестьянами: и тамъ бѣднякъ встрѣчаетъ мало сочувствія со стороны односельчанъ. Уже знакомый намъ крестьянинъ Яшникъ имѣлъ только одну лошаденку Пѣганку, изеуренную непрерывной работой и безкормидей. Часто, выбившись изъ силъ, Пѣганка остано-

вливалась на дорогѣ, и тогда ее не могли уже сдвинуть съ мѣста ни понуканія, ни удары. Яшнику оставалось только припречь самого себя къ возу, что не мало веселило всю деревню.

«—Ну, и рысаки, глянь-ко, братцы, ахъ хи-хи-и-и! Того и гляди, что возъ-то въ дребезги разобьютъ, а-а-а?»

— Цѣлковыхъ сто, поди, пара-то экихъ стоитъ, други, а-а?

— Не купишь и за этакія деньги! Ты погляди только, вѣдь и рысью-то оба взяли, и мастью-то другъ къ другу подошли... Словно одной матки дѣти...

— А если по разницѣ теперича взять ихъ, братцы, то которая форменнѣй выглядить: корневикъ, аль пристяжная... а?

— Корневикъ, извѣстное дѣло, потому, у корневика-то хотя шкура цѣла, только вылиняла, а у пристяжной-то отъ заплатъ-то въ глазахъ рябитъ!—галдѣли деревенскіе остряки, намекая на множество разнообразныхъ заплатъ, украшавшихъ единственный полшубокъ Яшника, не снимавшійся съ плечъ его ни зимой, ни лѣтомъ» (т. I, стр. 212—213).

Такое безсердечное издѣвательство надъ бѣдностью возможно только тамъ, гдѣ во всей силѣ царить суровое правило: каждый за себя, а Богъ за всѣхъ, и гдѣ человѣкъ, не умѣвший собственными силами справиться съ нуждою, не вызываетъ въ окружающихъ ничего, кромѣ презрѣнія. Недурно выставлено Наумовымъ равнодушіе крестьянъ къ чужому горю и въ «Деревенскомъ аукціонѣ». У одного изъ нихъ продается съ аукціона имущество. Изъ открытыхъ оконъ его избы слышатся глухія рыданія, самъ онъ сидитъ на крыльцѣ, уныло свѣсивъ голову, а густая толпа крестьянъ, съѣхавшихся на аукціонъ изъ соседнихъ деревень, тѣснится вокругъ него, осматривая приготовленные къ продажѣ предметы и не обращая на его неподдѣльное горе ни малѣйшаго вниманія. Какой-то парень выгодно купилъ его мерина, какой-то старикъ «нагрѣлся», покупая двѣ сбури. Этотъ послѣдній хнычетъ передъ засѣдателемъ, прося сбавить черезчуръ высокую цѣну сбури: «сдѣлай милость, бѣдность»,—говоритъ онъ. Но эта же самая «бѣдность» только что собиралась поживиться на счетъ своего же брата, разореннаго неблагоприятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Онъ кричитъ: «Да будь они прокляты, всѣ эти кціены!».. Но кричитъ единственно потому, что его расчетъ не оправдался, а вовсе не потому, что «кціенъ» пустил по міру такого же, какъ онъ, крестьянина.

Можно, конечно, сказать что въ подобныхъ случаяхъ отсутствіе солидарности между крестьянами есть плодъ новаго, нарождавшагося *товарнаго* хозяйства, а вовсе не стараго *натуральнаго*. Но это будетъ невѣрно. Товарное хозяйство не создаетъ разобщенности интересовъ между крестьянами; оно только обостряетъ ее, *на нее же опираясь* въ своемъ разлитіи. Мы уже видѣли, какъ отвратительны тѣ формы эксплуатаціи, которыя возникаютъ въ процессѣ перехода *натуральнаго* хозяйства въ товарное: ростовщикъ совершенно поработщаетъ произво-

дителей. Но чѣмъ же создается эта страшная, всеподавляющая сила ростовщическаго капитала! Именно тѣми отношеніями, которыя онъ, при своемъ появленіи, застаеъ между производителями, воспитавшимися при условіяхъ натурального хозяйства. Разобщенные одни съ другими, совершенно неспособные къ дружному труду на общую пользу, едва только этотъ трудъ выходитъ за предѣлы вѣковѣчной рутины, производители составляютъ естественную добычу ростовщика, который также легко справляется съ ними, какъ коршунъ справляется съ цыплятами. И они сами видятъ не только свое экономическое безсиліе передъ ростовщикомъ, но также и его *умственное превосходство* надъ ними.

«—И голова же, братъ, о-о!—говорить у Наумова ямщикъ о кулакѣ Кузьмѣ Терентьичѣ.

— Умный?

— Ума этого у него въ три берема не облапишь. Да вотъ поглядите сами, каковъ онъ есть, Кузьма Терентьичъ...» и т. д. (т. I, стр. 56 «Паутина»).

Это преклоненіе обыкновеннаго крестьянина передъ умомъ кулака постоянно бросалось въ глаза лучшимъ изслѣдователямъ нашего народнаго быта. Его одного достаточно было бы для доказательства того, что кулачество порождается не внѣшними, а внутренними условіями крестьянской жизни. Внѣшнія условія оказались бы безсильными тамъ, гдѣ внутреннія условія дѣлали бы невозможнымъ выдѣленіе изъ крестьянскаго *міра* людей, носящихъ выразительное названіе *миропдовъ*.

Безсильные передъ кулакомъ вслѣдствіе своей разобщенности, производители разсматриваемаго нами періода экономическаго развитія являются также совершенно безсильными и по отношенію къ тому центру, который вѣдаетъ общія дѣла данной территоріи. Чѣмъ больше эта территорія, тѣмъ безсильнѣе оказываются передъ нимъ и отдѣльныя лица, и цѣлыя общины. Гордая независимость дикаря уступаетъ мѣсто жалкой приниженности поработеннаго варвара. Полное ничтожество каждаго изъ этихъ варваровъ по отношенію къ центру получаетъ до послѣдней степени непривлекательное внѣшнее, такъ сказать церемониальное выраженіе. Въ своихъ сношеніяхъ съ центромъ производитель варваръ выступаетъ не какъ человѣкъ, а лишь какъ нѣкое жалкое подобіе человѣка. Онъ называетъ себя не полнымъ человѣческимъ именемъ, а уничижительной кличкой, распространяя свое приниженіе на все, что имѣетъ къ нему извѣстное касательство: у него не жена, а женка, у него не дѣти, а дѣтишки, у него не скоть, а животишки. Наконецъ онъ и самъ перестаетъ принадлежать себѣ, становясь собственностью государства. Его закрѣпощеніе, его *прикрѣпленіе къ землѣ* является при указанныхъ условіяхъ совершенно необходимымъ для удовлетворенія экономическихъ нуждъ государства. Если бы его не привязали къ землѣ, то онъ не пересталъ бы «брести розно», отнимая

у государства всякую возможность прочнаго существованія. Государство даетъ ему землю, пока надѣленіе его землею остается единственнымъ средствомъ поддержанія его «платежной силы». Разъ прикрѣпленный къ землѣ онъ сростается съ нею, какъ улитка съ своей раковиной, какъ растеніе съ той почвой, которая его питаетъ. Пока такой человѣкъ находится въ состояніи умственнаго равновѣсія, т.-е. проще говоря въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, ему и въ голову не приходитъ задаваться вопросами, не имѣющими прямого отношенія къ процессу производства, поглощающему всѣ его духовныя и физическія силы. Онъ пашетъ, сѣетъ, блюдетъ хозяйство, соблюдаетъ, чего съ него начальство требуетъ, но отнюдь и никогда «не вникается». Это не его дѣло. Вникаться должны люди, живущіе въ центрѣ, а онъ обязанъ обезпечить имъ экономическую возможность вниканія, т.-е. опять-таки пахать, сѣять соблюдать хозяйство и проч. Роскошь «думы» могутъ позволить себѣ только производители, почему-либо поврежденные въ умѣ. На той ступени экономическаго развитія, о которой у насъ идетъ рѣчь теперь, отсутствіе раздѣленія труда въ процессѣ производства необходимо ведетъ за собою общественное раздѣленіе труда, при которомъ «дума» становится совершенно лишнимъ и даже вреднымъ занятіемъ для производителя.

Пусть не указываютъ намъ на людей, подобныхъ Бычкову, какъ на доказательство того, что и здравомысляющіе люди могли «вникаться» при указанномъ экономическомъ порядкѣ. Бычковы, собственно говоря, не «вникаются» въ окружающія ихъ общественныя отношенія, а борются съ нѣкоторыми отдѣльными злоупотребленіями. Вопросы, возникающіе въ головахъ людей, подобныхъ Заморѣ, и Бычковымъ показались бы въ большинствѣ случаевъ безумными. Бычковы не задаются цѣлью вести своихъ ближнихъ впередъ, они стараются только облегчить имъ ихъ неподвижное существованіе. Бычковы — честные консерваторы; да и эти консерваторы кончаютъ, какъ мы видѣли, плохо, и имъ приходится бѣжать въ другіе «округа». Бычковы населили всѣ наши восточныя окраины. Эти окраины не рѣдко «бунтовались», но онѣ не внесли ровно ничего новаго въ нашу народную жизнь по той простой и понятной причинѣ, что имъ самимъ не удалось подняться на высшую ступень экономическаго развитія.

Со всѣхъ сторонъ тѣснимый гнетомъ суровой и безпощадной дѣйствительности, варваръ-земледѣлецъ самъ становится суровымъ и безпощаднымъ. Онъ не знаетъ никакой жалости тамъ, гдѣ ему приходится вести борьбу за свое жалкое существованіе. Извѣстны расправы крестьянъ съ конокрадами. У Наумова рассказывается случай расправы сибирскихъ обозчиковъ съ тремя попавшимися имъ въ руки ворами, промышлявшими кражей чая: «схватили, слышь, ихъ, уволокли въ лѣсъ за версту отъ дороги-то, раздѣли ихъ донага, развели три костра, да и привязали ихъ къ деревьямъ-то за руки и за ноги, штобъ

спины-то надъ кострами висѣли, огнемъ-то и стали имъ спины грѣть... Такъ какъ, сказываютъ, молились они, просили предать ихъ смерти. Опосля, ужъ вдолги послѣ того, нашли ихъ: висятъ на деревьяхъ, а жареное-то мясо такъ и отстало отъ костей...» («Эскизы безъ тѣней», т. II, стр. 338).

Далѣе у Наумова подробно доказывается, что воры причиняютъ крестьянамъ-обозчикамъ огромные убытки. Никто не станетъ спорить съ этимъ. Но варварская жестокость остается варварскою жестокостью, а варварской жестокости всегда много у народовъ *«патріархально-земледѣльческихъ»*. Примѣръ—утонченно-жестокіе китайцы.

Отсутствіе раздѣленія труда между производителями нисколько не устраняетъ раздѣленія труда между мужчиной и женщиной. Мужчина производитъ, женщина приспособляетъ для потребленія его продукты. Такимъ образомъ женщина становится въ матеріальную зависимость отъ мужчины, а на разсматриваемой нами ступени экономического развитія матеріальная зависимость быстро ведетъ къ рабству. И дѣйствительно, женщина становится рабой мужчины, его вещью, его собственностью. Мужъ не только можетъ *«поучить»* жену, но часто *«вынуждается къ этому»* влияніемъ общественнаго мнѣнія. Когда онъ *«учитъ»* ее, никто не считаетъ себя вправе вмѣшиваться, остановить его тяжелую руку, и нерѣдко сосѣди съ философскимъ спокойствіемъ смотрятъ, какъ мужъ забиваетъ свою жену до полусмерти. У Наумова въ «Эскизахъ безъ тѣней» мы находимъ рассказъ о томъ, какъ одинъ рабочій уступилъ жену другому. «Солдатъ это на прискѣ-то живетъ... блудящій такой, только Егорьемъ и хвалится. А жена-то у него добрая баба, работающая... Ну, и попуталъ ее грѣхъ-то съ дядей, прилѣпилась она къ нему. Сначала много у дяди грѣха-то съ солдатомъ было. Солдатъ-то одново съ ножомъ на дядю кинулся, а дядя-то, слышь, взялъ его, словно щенка, за загривокъ, опустилъ подъ жолобъ съ водой у машины, што золото моетъ, и говоритъ: отдавай добромъ жену, а то тутъ тебѣ и рѣшенье дѣлу, вмѣстѣ съ Егорьемъ утоплю... Ну, солдатъ-то это, какъ поостылъ въ холодной водѣ, сердце-то у него и спало: «Бери, говоритъ, жену, только пусти душу на покаянье!» Такъ съ этого слова дядя-то и завладѣлъ бабой, а штобъ крѣпче было, такъ солдатъ-то съ дядей гумагу сдѣлали промежъ себя; въ присковой конторѣ имъ и писали эту гумагу, што, стало быть, солдатъ отдалъ свою жену дядѣ, какъ бы въ ренту за сто рублейъ одновременно, а напередки съ благодарностью по силѣ возмощенія, и штобъ солдату къ женѣ касательства не имѣть, а въ случаѣ, если дядю смертный часъ постигнетъ, то бабу препоручить на изволеніе Божье» (т. II, стр. 333—334). Отдать жену въ аренду можно только тамъ, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на собственность мужа. Но и эта форменная уступка женщины однимъ мужчиной другому есть уже въ сущности предвѣстникъ разложенія стараго крестьянскаго быта, ре-

зультатъ неустойчивости, внесенной въ жизнь трудящейся массы золотыми приисками. Настоящій крестьянинъ не уступитъ жены, такъ же какъ не продастъ безъ крайней надобности пришедшейся «ко двору» лошади: подобная уступка вносила бы слишкомъ много неурядицы въ его хозяйство.

Разсматриваемые нами порядки отличаются удивительною живучестью. Ростовщическій капиталъ обираетъ и принижаетъ производителей, но онъ не измѣняетъ способовъ производства. Эти способы могутъ существовать цѣлыя тысячелѣтія почти безъ всякой перемѣны. Сопоразно съ этимъ и вырастающія на ихъ основѣ общественныя отношенія отличаются поразительною косностью. Страны, гдѣ они господствуютъ, по справедливости, считаются странами застоя. Человѣчество переходило на высшія ступени культурнаго развитія только тамъ, гдѣ благоприятное стеченіе обстоятельствъ нарушало равновѣсіе этихъ варварскихъ порядковъ, гдѣ экономическое движеніе разгоняло вѣковой сонъ варваровъ. Къ великому счастью для всѣхъ безъ исключенія русскихъ людей, Россіи не суждено было заснуть такъ крѣпко, какъ заснули другія историческія Обломовки, въ родѣ Египта или Китая. Ее спасло вліяніе западныхъ сосѣдей, благодаря которому она уже безвозвратно выступила теперь на путь общеевропейскаго экономическаго развитія. Со времени отмѣны крѣпостнаго права крушеніе нашего стараго экономическаго быта пошло впередъ очень скоро, внося широкія полосы свѣта въ темное прежде царство. Не смотря на самыя усердныя попытки идеализаціи этого быта, нашимъ народникамъ-беллетристамъ оставалось лишь изображать какъ самый пропескъ его разложенія, такъ и его общественныя и психологическія послѣдствія. Занятый своею гуманною проповѣдью, Наумовъ едва-едва касается этой стороны дѣла ¹⁾. Но она очень ярко выступаетъ у Г. И. Успенскаго, Каронина, Златовратскаго.

По странной ироніи судьбы лучшимъ беллетристамъ-народникамъ пришлось изображать торжество новаго экономическаго порядка, который, по ихъ мнѣнію, не сулитъ Россіи ничего, кромѣ всякаго рода матеріальныхъ и нравственныхъ бѣдствій. Этотъ взглядъ на новый порядокъ не могъ не отразиться и на ихъ сочиненіяхъ. За весьма немногими исключеніями (напр. повѣсть Каронина «Снизу вверхъ»), въ нихъ изображаются лишь отрицательныя стороны переживаемаго нами процесса,

¹⁾ Онъ касается ея тамъ, гдѣ изображаетъ семейныя отношенія крестьянъ и вторгающіяся въ нихъ новшества. «Молодыжники-то на стариковъ ропчутъ, што не по правдѣ болѣ живутъ... што сынъ-де на работу идетъ, а отецъ въ кабакъ,—говоритъ крестьянинъ въ «Эскизахъ безъ тѣней»:—сынъ норовитъ, кабы въ домъ копѣйку принести, а отецъ изъ дому. А старики говорятъ, что молодые-то отъ рукъ отбились... почему де нѣтъ... послушанья...» (т. II, стр. 346). Это уже явный признакъ разложенія старой домостроевщины, но для Наумова какъ будто еще неясно его значеніе.

а положительные затрогиваются развѣ только невзначай, невольно и мимоходомъ. Надо надѣяться, что съ исчезновеніемъ народническихъ предразсудковъ у насъ явятся писатели, *сознательно* стремящіеся къ изученію и художественному воспроизведенію положительныхъ сторонъ этого процесса. Это будетъ большимъ шагомъ впередъ въ развитіи нашей художественной литературы. И чтобы сдѣлать такой шагъ, художникамъ не нужно заглушать въ себѣ то сочувствіе къ народной массѣ, которое составляло самую сильную и самую симпатичную сторону народничества. Совсѣмъ нѣтъ. Характеръ сочувствія, конечно, будетъ уже не тотъ. Но отъ перемѣны онъ только усилится. Какъ ни идеализировали народники крестьянскую массу, но *они все-таки смотрѣли на нее сверху внизъ*, какъ на хорошій матеріалъ для ихъ *благодѣтельныхъ* историческихъ опытовъ. Въ народничествѣ была своя значительная доля барства. Призванная смѣнить народниковъ новая разновидность интеллигенціи неспособна относиться по-барски къ людямъ физическаго труда уже въ силу того убѣжденія, что историческое дѣло этихъ людей можетъ быть сдѣлано только ими самими. Она видитъ въ нихъ не дѣтей, которыхъ надо воспитать, но несчастнѣйшихъ, которыхъ надо облагодѣтельствовать, а товарищей, съ которыми надо идти рядомъ, дѣля и радость, и горе, и пораженія, и побѣды, съ которыми предстоитъ проходить вмѣстѣ великую воспитательную школу историческаго движенія впередъ къ одной общей цѣли. Ну, а кто же не знаетъ, что товарищеское сочувствіе есть нѣчто болѣе серьезное и болѣе цѣнное, чѣмъ сочувствіе, точнѣе состраданіе, жалость благодѣтеля къ лицу, которое онъ собирается облагодѣтельствовать? Такимъ образомъ исчезаетъ пропасть, издавна существовавшая между людьми мысли и людьми физическаго труда, потому что эти люди сами начинаютъ мыслить, сами становятся интеллигентными, чѣмъ прекращается неизбежная въ свое время, но крайне непривлекательная монополія интеллигентности. И прекращается она именно потому, что крушеніе старыхъ, дорогихъ народникамъ «устоевъ» разогнало тяжелый вѣковой сонъ нашихъ Обломововъ. Крестьянинъ добраго стараго времени не долженъ былъ «вникаться» подъ страхомъ упомощательства. Трудящійся человекъ нашихъ дней обязанъ «вникаться» просто въ силу экономическаго своего положенія хотя бы только для того, чтобы отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ неблагоприятными, но въ то же время вѣчно подвижными, вѣчно измѣнчивыми экономическими условіями, ему, какъ Фигаро, нужно больше ума, чѣмъ требовалось его «для управленія всѣми Испаніями». Это колоссальная разница, существенно измѣняющая весь характеръ трудящейся массы, а съ нимъ и всѣ шансы нашего дальнѣйшаго историческаго развитія. Народники не видятъ и не признаютъ этой разницы. Но... *ignorantia non est argumentum.*

86

62.11

П9465